

С. С. Волков
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
sergejvolkov2006@yandex.ru

ИДИОСТИЛЬ РУССКОГО УЧЕНОГО В ЗЕРКАЛЕ АВТОРСКОГО СЛОВАРЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО АРХИВА М. В. ЛОМОНОСОВА)

1. В архиве Российской академии наук хранится уникальная рукопись – собрание черновых, так сказать, частных записей и заметок М. В. Ломоносова (ф. 20, оп. 1, № 5) объемом в 158 листов (около 27 тыс. слов). Эти автографы Ломоносова датируются приблизительно 1744–1757 гг. и представляют собой не единый текст, а стихийно сложившуюся коллекцию документов, каждый из листов которой имеет, безусловно, отдельную, самостоятельную ценность. Рукопись была подготовлена Г. П. Блоком и В. Н. Макеевой для публикации и в 1952 г. вышла в свет в 7-м томе Академического полного собрания сочинений М. В. Ломоносова (1950–1958), получив название «Материалы к русской грамматике» (переиздание в составе 2-го Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова в 2011 г.). Такое название нельзя считать корректным, так как в коллекцию входят не только тексты, отражающие размышления М. В. Ломоносова над разнообразными грамматическими явлениями русского языка, но и ряд заметок, связанных с работой над «Риторикой», «Древней Российской историей» и даже исследованиями по металлургии и ботанике. Кроме того, этот конволют включает обширные списки слов: эти списки, возможно, или представляют собой своеобразную эмпирическую базу филологических штудий М. В. Ломоносова, или как-то сопряжены с задуманными им лексикографическими проектами; подлинное назначение этих списков до сих пор не установлено.

2. Для исследования идиолекта и идиостиля М. В. Ломоносова филологический анализ материалов его личного научного архива представляется актуальным по следующим причинам: 1) употребление большого числа уникальных или редких языковых единиц, характерных только для этой коллекции и не представленных в других произведениях М. В. Ломоносова. Это, прежде всего, лексические элементы русских диалектов, просторечная, обценная, т.н. «простонародная» лексика, т.е. лексика русского народного быта, традиционных верований, ремесел и промыслов (см., например, *дровни, векша, копна, куженька, ночвы, мерёжа, шиликун* и др.); 2) факты языкового новаторства М. В. Ломоносова (см., например, лексические единицы *кинезеогнозия* и *эмпсихология*); 3) фиксация большого числа разнообразных этнонимов (*аглинчанин, персиянин, хилианец, лопарь* и пр.); 4) рефлексии М. В. Ломоносова по поводу тех или иных явлений языковой нормы русского языка середины XVIII в. (см., например, на л. 6 об.: «мерзну, мерзнешь или мержешь не знаю» или на л. 11 об.: «Ячень – которого

рода?»); 5) расстановка ударений, отражение редукции и особенностей русского произношения этого времени (см. на л. 7 об.: «Изъ журнала isëgjurnala. Исъ чего чит[ается] ишчего») и т.д. Кроме того, записи М. В. Ломоносова предоставляют современному исследователю обширный материал для наблюдений над формированием корпуса русской филологической терминологии. С генетической точки зрения в тексте представлены разные группы славянизмов, а также как заимствованной, так и субстратной лексики, в том числе связанных с русским Севером – родиной М. В. Ломоносова слов финно-угорского происхождения (см., например, *ту́ра*, *курья* и пр.).

3. Характерной чертой идиостиля М. В. Ломоносова является мультилингвизм, многочисленные факты перемены кодов и смешения разных языковых стихий. Тексты М. В. Ломоносова на иностранных языках ранее практически не были объектом лингвистического и историко-культурного исследования: документы его личного архива представляют для этого весьма богатый материал, так как содержат записи на латинском, греческом, немецком, французском, итальянском языках; известная метафора о языковой лаборатории Ломоносова здесь вполне уместна. Отражающие специфическую языковую среду Санкт-Петербурга середины XVIII столетия наблюдения Ломоносова над русской речью иностранцев не менее интересны: см., например, на л. 12 об.: *худо нѣмцы говорятъ: онъ не пустиль спать* или на л. 11 об.: *Что дать сковорода. Was soll man für eine Rostpfanne geben?*

4. Документы личного архива Ломоносова, сохранившие до нашего времени особые черты идиостиля выдающегося русского ученого, поэта, теоретика-филолога и переводчика, могли бы послужить вполне достойным источником для составления нового авторского исторического словаря в серии словарей, объединенных исследовательским и лексикографическим проектом «Словарь языка М. В. Ломоносова». Словари одного произведения или группы текстов единого жанра не являются чем-л. новым и уже хорошо известны современной авторской лексикографии. Конечно, ожидается много трудностей (заголовочное слово, зачеркнутые Ломоносовым слова, варианты, словарная разработка иноязычной лексики, слов из списков, собственных имен, этимологических разысканий Ломоносова и пр.), но такой словарь мог бы отвечать двум главным особенностям идиостиля М. В. Ломоносова – его мультилингвизму и энциклопедизму, он бы гармонично мог интегрировать в своем словнике русскую и иноязычную лексику, а заодно и устранить некоторые недостатки изданий 1952 и 2011 гг.